

Е. В. Кашкин
(Москва)

**РОДСТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ КАК ИСТОЧНИК
ДАННЫХ ДЛЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ И
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРОГНОСТИКИ (ОПЫТ
ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
ФАКТУРЫ ПОВЕРХНОСТЕЙ В УРАЛЬСКИХ
ЯЗЫКАХ)¹**

1. Введение

Складывающееся в настоящее время направление лингвистической прогностики можно рассматривать как в некотором смысле смежное к уже устоявшейся области лингвистической типологии. Типология, как она понимается в современной науке, предполагает не просто описание и таксономию языковых явлений, но и, во-первых, их объяснение с позиции теоретической парадигмы исследователя, во-вторых, построение утверждений об общих свойствах языка, обладающих предсказательной силой (см., например, [1], [2], [3]), и исследователь, таким образом, может в результате прогнозировать, какие явления он ожидает встретить в еще не вовлеченных в его работу языках, а какие – не ожидает.

Одной из общих методологических проблем типологии является проблема составления языковой выборки (подробнее см., например, [2]). Традиционно считается, что в выборку с целью репрезентативного представления возможностей варьирования естественного языка должны попадать языки разных семей и ареалов. Однако в последние годы получила распространение и внутригенетическая типология ([4]), при которой выборка объединяет большое количество

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант № 12-04-18024е.

близкородственных языков – что может давать исследователю ряд преимуществ, как, например, обнаружение более тонких и менее заметных на широкой выборке параметров межъязыкового варьирования.

Все изложенные выше методологические вопросы актуальны не только для хорошо разработанной области грамматической типологии, но и для активно развивающейся типологии лексической. В рамках этого направления ([5], [6]) проводятся типологические исследования различных семантических полей и универсальных ограничений на варьирование структуры этих полей. Выборка в лексико-типологических проектах часто насчитывает десятки языков самых разных семей и ареалов (см., например, сборники [7] о глаголах движения в воде, [8] о предикатах боли, подготавливаемое сейчас издание [9] о температурных выражениях). Вместе с тем в ряде работ этого направления отмечалась и осмысленность включения в выборку родственных языков в силу часто значительных расхождений в их лексико-семантической системе. Так, в статьях [10], [11], посвященных русским и польским глаголам вращения ('кружиться', 'вертеться', 'крутиться' и др.) и колебания ('качаться', 'шататься', 'колыхаться' и др.) соответственно, показано, что, несмотря на близкое родство русского и польского языков и внешнее сходство многих сопоставляемых лексем, устройство обсуждаемых семантических полей в двух языках отнюдь не оказывается симметричным и, таким образом, даже сравнение материала двух близкородственных языков позволяет выявить большое количество семантических противопоставлений, которые должны затем учитываться при более широком типологическом исследовании.

Исследование, о котором пойдет речь в данной статье, принадлежит к упомянутой выше области лексической типологии и посвящено прилагательным фактуры поверхностей (ср. рус. *скользящий, гладкий, ровный, шершавый, шероховатый*) в их прямых и переносных употреблениях. Основу нашей выборки составляют уральские языки: на сегодняшний день проанализированы данные финского, эстонского, марийского, эрзянского, удмуртского, коми-зырянского (ижемский диалект), хантыйского (4 разных говора, в которых рассматриваемое поле устроено немного по-разному) и ненецкого языков (ведется, кроме того, обработка венгерских и селькупских данных). В настоящей статье мы не ставим цели дать исчерпывающее описание всех выявленных нами семантических противопоставлений и моделей метафорических сдвигов, а сфокусируем внимание на обсуждении следующего вопроса: в какой мере анализ выборки, содержащей большое количество близкородственных языков, является типологически релевантным и дает основания прогнозировать свойства исследуемой семантической группы в других, не вошедших в выборку языках? Для ответа на этот вопрос привлекаемый материал уральских языков будет сопоставляться с данными русского ([12], [13]) и испанского ([14]) языков, служащих в данном случае в качестве «внешнего» типологического фона.

2. Прямые употребления: базовые противопоставления

Некоторые противопоставления в семантической группе фактуры поверхностей затрагивают большое

количество фреймов² и могут быть расценены как наиболее базовые.

Во-первых, для зоны отсутствия неровностей ключевой является оппозиция по способу восприятия, который может быть **зрительным** (так мы оцениваем, например, потолок или поле) или **тактильным** (как в случае выструганной доски или выбритых щек). Фреймы тактильного восприятия далее делятся на два класса: собственно **гладкие** поверхности (примеры даны выше) и **скользкие** поверхности (т.е. настолько гладкие, что либо на них трудно удержаться, как, например, на обледенелой дороге, либо соответствующие предметы трудно удержать в руках, как, например, свежевывловленную рыбу). Эта оппозиция в разных исследованных языках подчиняется разным стратегиям категоризации. Так, за каждой из базовых семантических областей³ может быть закреплена отдельная лексема (или отдельный набор лексем): такова ситуация, например, в эстонском языке, где прилагательное *libe* описывает скользкие поверхности, *sile* – гладкие, *tasane* – ровные (этой же стратегии следует и финский язык). Далее, возможно использование одной и той же лексемы для гладких и ровных поверхностей и другой лексемы – для скользких (примером служат эрзянские прилагательные *валаня* ‘ровный, гладкий’ и *нолажа* ‘скользкий’, аналогично с точки зрения реализации базового противопоставления

---

² Под фреймами в данной работе понимаются базовые ситуации из той или иной предметной области, в соответствии с употреблением этого термина в [5], [6] и других публикациях Московской лексико-типологической группы под руководством Е.В. Рахилиной

³ Мы обозначаем их ярлыками ‘скользкий’, ‘гладкий’ и ‘ровный’, не имея при этом в виду переносные употребления соответствующих русских прилагательных, если эксплицитно не оговорено иное.

устроены системы ненецкого языка и ижемского коми). Наконец, одна и та же лексема может описывать скользкие и гладкие поверхности, а другая – ровные, как в некоторых западно-хантыйских говорах (с. Шурышкары, у ряда носителей говора с. Теги), где имеются прилагательные *wõł'ək* 'скользящий, гладкий' и *rajli* 'ровный'. Объединение в одной лексеме зон 'скользящего' и 'гладкого' отмечено также в марийском языке (для лексемы *яклака*).

Во-вторых, лексемы, описывающие скользкие поверхности, системно противопоставлены по тому, описывают ли они скользкую опорную поверхность (например, дорогу или пол) или же поверхность предмета, выскальзывающего из рук (например, рыбу или кусок мыла). В языках встречается как объединение этих фреймов в семантике одной лексемы (как в эрзянском, марийском, финском или эстонском языке), так и их закрепление за разными лексемами (такова ситуация в удмуртском, ижемском коми и ряде говоров хантыйского).

В-третьих, в семантической зоне наличия неровностей выделяется два широких класса фреймов, для которых типична категоризация специальными лексемами – это поверхности с регулярными твердыми тактильно воспринимаемыми неровностями, в русском языке обозначаемые прилагательным *шершавый* (язык кошки, руки на морозе, плохо обработанная доска, ср. удмуртское *шакырес*, эрзянское *казямо*, эстонское *kare*, хантыйское *karəŋ*), а также морщинистые / сморщенные поверхности (лицо пожилого человека, старая картошка, сморщенные листья, ср. удмуртское *кисыриё*, хантыйское *тортəŋ*, коми-ижемское *кӧрсема* / *кӧрласема* и др.).

Выделенные противопоставления не только релевантны для организации поля фактуры поверхностей в уральских языках, но, что важно, «работают» и за пределами уральской семьи. Так, русское прилагательное *шершавый*, как мы уже отмечали, описывает системно отделяемый, по нашим данным, класс объектов с твердыми воспринимаемыми на ощупь регулярными неровностями. Противопоставление по способу восприятия поверхности также является базовым для обоих языков, ср., например, употребление русских прилагательных *скользящий*, *гладкий* и *ровный* в прямых значениях, следующее одной из выявленных на нашей выборке стратегий. Что касается оппозиции скользящей опорной поверхности и выскальзывающих предметов, то в русском языке эти фреймы описываются одной и той же лексемой (*скользящий*), а в испанском, по данным [14], – двумя разными: *resbaladizo* ‘скользящий (об опорной поверхности)’ и *escurridizo* ‘скользящий (о выскальзывающих предметах)’ – и, таким образом, обе обнаруженные на уральском материале стратегии реализации этого противопоставления находят свое выражение и в других языках. То же можно сказать и о сформулированных базовых противопоставлениях в целом: будучи выявленными в уральских языках, они оказываются значимыми и в более широкой типологической перспективе.

3. Прямые употребления: дальнейшие семантические противопоставления

Наше исследование уральских языков позволило выявить не только общие закономерности устройства поля фактуры поверхностей, но и более частные существующие внутри него противопоставления.

Укажем далее только некоторые из них (полная их систематизация не входит в задачи настоящей работы).

Для прилагательных отсутствия неровностей оказывается значимым противопоставление по тому, описывают ли они артефакт vs. природный объект. Например, в ижемском диалекте коми-зырянского языка прилагательное *мольыд*, исходно описывающее тактильно гладкие поверхности (например, кожу рук, выструганную доску, камешек), расширяется также на фреймы зрительно ровных поверхностей, однако сочетается в этом значении только с названиями участков местности (поле, луг, покос, дорога), но не с названиями артефактов (в частности строений и их частей, таких, как пол, стена или забор). Это семантическое противопоставление действует и в финском языке, где прилагательное *laakea* ‘ровный’ описывает только участки местности, но не артефакты (в то же время все фреймы зрительно ровных поверхностей могут характеризоваться доминантным прилагательным *tasainen*).

Семантические ограничения, накладываемые на прилагательные отсутствия неровностей, могут отделять и класс объектов – частей тела: так, в хантыйском говоре с. Мужы прилагательное *rajli* ‘ровный, гладкий’ (в отличие от аналогичных прилагательных во многих других языках) не сочетается с названиями частей тела, заменяясь при этом иными выражениями, характеризующими соответствующий объект по смежным признакам (например, о лице в этом говоре могут сказать, что оно *xəraseŋ* ‘красивое’, *tułijəl* ‘блестит’, но не *rajli* ‘гладкое’). [Прим.: L в тексте письма = лямбда в тексте статьи].

Любопытные явления фиксируются и для прилагательных наличия неровностей. Так, в

удмуртском языке, наряду с прилагательным *шакырес* ‘шершавый’, имеющим достаточно широкую сочетаемость (см. п. 2), существует также прилагательное *чогырес*, описывающее шершавые и при этом «царапающие» объекты, например, колючие небритые щеки или занозистую доску.

Важно, однако, что упомянутые противопоставления оказываются релевантными и для типологии в целом. Так, по данным [14], одно из испанских прилагательных со значением ‘гладкий’ – *terso* – специализируется на характеристике частей тела. Таким образом, в зоне фактуры поверхностей в испанском этот фрейм тоже обособлен (как и в хантыйском говоре с. Мужы, данные которого были приведены выше). Кроме того, в [14] проанализировано и испанское прилагательное *rasposo* ‘шершавый, царапающий’, выделяющее тот же фрейм, что и удмуртское *чогырес*.

Оппозиции прилагательных фактуры поверхностей по тому, описывают ли они артефакт или участок местности, в русском и испанском языках не отмечено – но ясно, впрочем, что не любое обнаруженное на материале уральских языков семантическое противопоставление априори обязано встретиться в других языках. В то же время заметим, что значимость противопоставления артефакт vs. природный объект утверждалась для самых разных областей лексико-семантической системы языка (ср., например, приводимый в [15] анализ сочетаемости русских цветообозначений и ряда других прилагательных) – и в этом смысле его релевантность для поля фактуры поверхностей в уральских языках логично вписывается в данные семантической теории и типологии.

4. Системы метафорических употреблений

Помимо прямых употреблений прилагательных фактуры поверхностей, наше исследование охватывает и их переносные употребления, развитие которых, как следует из наших данных, носит системный характер. В качестве иллюстрации рассмотрим семантические сдвиги, развиваемые лексемами из зоны наличия неровностей. Общей для возникающих переносных значений является идея наличия недостатков или трудностей. Так, например, эрзянское прилагательное *казямо* ‘шершавый, грубый (о поверхности)’ развивает метафорические значения ‘грубый (о человеке)’, ‘грубо сколоченный (например, о столе, скамейке)’, ‘хриплый (о голосе)’, ‘суровый (о погоде, зиме и пр.)’ Похожий набор переносных употреблений обнаруживается и у эстонского *kare*, исходно означающего ‘шершавый (о поверхности)’: ‘суровый (о человеке)’, ‘суровый (о погоде, зиме и пр.)’, ‘хриплый (о голосе)’. Интересный сдвиг развивается ненецким стативным глаголом⁴ *насортась* ‘быть шершавым’: он может описывать неприятные физиологические ощущения при тактильном контакте с предметами небольшого размера

---

⁴ Глагол *насортась* учитывается в нашем анализе, поскольку соответствует абсолютно тем же фреймам, для описания которых в других языках используются прилагательные. В целом в этой связи нужно отметить некоторую условность употребления в лексической типологии термина «прилагательное», поскольку данный лексико-грамматический класс, вообще говоря, не универсален, и во многих языках соответствующие признаки могут выражаться словами других разрядов, например, как мы видим и на ненецком примере, стативными глаголами, см. подробнее [16]. В рассматриваемых нами языках, однако, прототипическими признаковыми словами, в т.ч. описывающими фактуру поверхностей, являются именно прилагательные, поэтому мы используем этот термин, но привлекаем к анализу и единицы других лексико-грамматических классов, когда они описывают релевантные для нас фреймы.

(например, при попадании соринки в глаз, камешка в ботинок, волос за воротник при стрижке).

Выделенные на материале уральских языков модели семантических переносов не оказываются уникальными для этой языковой семьи, а повторяются на более широком типологическом материале. Так, для единиц рассмотренной семантической зоны наличия неровностей в [14] фиксируются на испанском материале следующие переносные значения: ‘огрубевший, хриплый (о звуках, голосе)’, ‘вяжущий, терпкий (о вкусе)’, ‘суровый, резкий (о человеке или его характере)’, ‘натянутые, «колючие» (об отношениях людей)’ – ср. также переносное употребление русского *шероховатый* в значении ‘некачественный, недоделанный’ (*Стихи еще шероховатые*). Мы видим, что, хотя конкретные метафорические употребления, естественно, могут оказываться специфичными для конкретного языка, все в совокупности они логично вытекают из исходных значений и складываются в систему.

5. Различия между генетически близкими идиомами

В работах по лексической типологии ставился вопрос о семантических различиях между когнатами – имеющими общее происхождение словами близкородственных языков, фонетическое сходство которых ощущается носителями (ср. в частности упомянутые во Введении работы [10], [11]). Примеры таких когнатов обнаруживаются и в нашей выборке, ср. финские *tasainen* и эстонское *tasane* со значением ‘ровный’, хантыйское *karəŋ*, эстонское *kare* и финские *karhea* и *karkea* со значениями ‘шершавый, грубый (о поверхности)’. Между этими и другими когнатами обнаруживается ряд сочетаемостных и семантических

различий – но, более того, подобные различия выявляются и между одними и теми же лексемами в разных диалектах одного и того же языка. В качестве примера рассмотрим приведенные в Таблице 1 данные об употреблении в четырех западных говорах хантыйского языка (сс. Белоярск, Шурышкары, Мужи, Теги) лексем *wǒl'ək*, *paʃli* и *ńasl*, покрывающих семантическую зону отсутствия неровностей (более подробный анализ этих данных представлен в [17]).

Таблица 1

Фреймы	Теги	Шурышкары	Мужи	Белоярск
Скользкая опорная поверхность, покрытая льдом (заледенелая дорога)	<i>wǒl'ək</i>	<i>wǒl'ək</i>	<i>wǒl'ək</i>	<i>wǒl'ək</i> / <i>ńasl</i>
Скользкая опорная поверхность, не покрытая льдом (мокрый пол)	<i>wǒl'ək</i>	<i>wǒl'ək</i>	<i>wǒl'ək</i>	<i>ńasl</i>
Скользкая подошва обуви / обувь	<i>wǒl'ək</i>	<i>wǒl'ək</i>	<i>wǒl'ək</i>	<i>ńasl</i>
Скользкий предмет, трудноудержимый в руках (рыба, мыло)	<i>wǒl'ək</i>	<i>wǒl'ək</i>	– ⁵	<i>ńasl</i>
Тактильно гладкие поверхности: части тела (щеки, кожа рук)	<i>wǒl'ək</i> / –	–	–	<i>paʃli</i>
Тактильно гладкие поверхности: артефакты, неодушевленные природные объекты (доска, камень)	<i>wǒl'ək</i> / –	<i>wǒl'ək</i>	<i>paʃli</i>	<i>paʃli</i>
Зрительно ровные	<i>paʃli</i>	<i>paʃli</i>	<i>paʃli</i>	<i>paʃli</i>

⁵ Прочерк в таблице означает, что данный фрейм в данном говоре не кодируется ни одной из рассматриваемых лексем, а описывается какими-либо иными средствами.

поверхности (покос, дорога, пол)				
Гладкая поверхность воды в водоеме	–	–	–	<i>rajli</i> / –

Из Таблицы 1 видно, что лексема *rajli* в говорах сел Теги и Шурышкары описывает только зрительно ровные поверхности (и это значение является для нее базовым, о чем говорит и словообразовательная структура: прилагательное *rajli* образовано от обозначающего зрительно заметные неровности существительного *raj* ‘кочка, бугор’ с помощью каритивного, т.е. выражающего значение отсутствия чего-л, суффикса *-li*), а в говорах села Мужи и особенно села Белоярск покрывает и фреймы тактильно гладких поверхностей. Далее, статус прилагательного *wól'ak* в обследованных говорах варьирует от лексемы, закрепленной за единственным узким фреймом заледенелого участка местности (говор с. Белоярск), до доминантного средства выражения не только значения ‘скользкий’, но и значения ‘гладкий’ (говор с. Шурышкары, а также у ряда носителей говора с. Теги, в котором, как показано в Таблице 1, выявлено две стратегии использования этой лексемы). В результате анализа этого материала мы получаем, таким образом, большое количество семантических противопоставлений, которые необходимо учитывать и при типологических исследованиях.

6. Некоторые итоги

На материале близкородственных уральских языков удастся обнаружить большое количество параметров варьирования, в т.ч. достаточно тонких, в обследованной лексической группе фактуры поверхностей. Выявляются и модели метафорических сдвигов. Ясно, что все эти противопоставления должны

учитываться и при составлении типологической анкеты для исследования этой группы – и в этом смысле они релевантны и для лексической типологии, и для лингвистической прогностики. Важно, однако, и то, что, во-первых, устройство семантической группы прилагательных фактуры поверхностей в уральских языках носит системный характер, а во-вторых, многие из обнаруженных на материале уральских языков явлений отмечаются и в языках другой семьи (в нашем случае русском и испанском), а в случае испанского и в языке несколько другого ареала. Естественно, что не исключена возможность встретить в новом включенном в выборку языке какие-либо новые явления и семантические противопоставления, но в целом данные, полученные при анализе группы близкородственных языков (в данном случае уральских), несомненно являются релевантными для лексической типологии и дают основание предсказывать возможные свойства рассматриваемого семантического поля в других языках.

Литература

1. *Кибрик А. Е.* Типология: таксономическая или объяснительная, статическая или динамическая? // Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). – М.: КомКнига, 2005. С.27 – 38 [Впервые опубликовано в: Вопросы языкознания, 1989, №1].
2. *Croft W.* Typology and universals – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 368 p.
3. *Татевосов С. Г.* Семантика составляющих именной группы: кванторные слова – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – 240 с.

4. *Kibrik A. E.* Does intragenetic typology make sense? // In: Boeder W. et al. (eds.) *Sprache in Raum und Zeit: Beiträge zur empirischen Sprachwissenschaft* – Tübingen: Narr, 1998. Pp. 61 – 68.

5. *Рахилина Е. В., Плунгян В. А.* О лексико-семантической типологии // Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.) *Глаголы движения в воде: лексическая типология*. – М.: Индрик, 2007. С. 9 – 26.

6. *Рахилина Е. В., Резникова Т. И.* О работе Московской лексико-типологической группы (стенограмма доклада) // Проблемы лексико-семантической типологии: Сборник научных трудов / под ред. А. А. Кретьова. – Вып. 1. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2011. С. 184 – 198.

7. *Майсак Т. А., Рахилина Е. В.* (ред.) *Глаголы движения в воде: лексическая типология*. – М.: Индрик, 2007. – 752 с.

8. *Брицын В. М., Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Яворская Г. М.* (ред.) *Концепт БОЛЬ в типологическом освещении* – Киев: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2009. – 424 с.

9. *Koptjevskaja Tamm M.* The linguistics of temperature (forthc.)

10. *Рахилина Е. В., Прокофьева И. А.* Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения // *Вопросы языкознания*, 2004, № 1. С. 60 – 78.

11. *Рахилина Е. В., Прокофьева И. А.* Русские и польские глаголы колебательного движения: семантика и типология // *Топоров В. Н. (ред.) Язык. Личность. Текст. Сб. к 70-летию Т. М. Николаевой* – М.: Языки славянских культур, 2005. С. 304 – 314.

12. *Апресян Ю. Д. (ред.)* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка – М.-Вена: Языки славянской культуры, Венский славистический альманах, 2004. – 1488 с.

13. *Спиридонова Н. Ф.* Плоский, прямой и ровный, или как трудно описать форму предмета // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 235 – 241.

14. *Спесивцева А. А.* Семантика прилагательных, описывающих качества поверхности, и прилагательных со значением «пустой» и «полный» на материале испанского языка. Дипломная работа – М.: РГГУ, 2012. – 93 с.

15. *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость – М.: Русские словари, 2000 – 416 с.

16. *Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира – М.: РГГУ, 2011. – 672 с.

17. *Кашкин Е. В.* Категоризация фактуры поверхностей в западных говорах хантыйского языка: сопоставительно-типологическое исследование // Урало-алтайские исследования, в печати.